

Григорий Маслов

**“Я измерил
тревожные
дали...”**

„Я ИЗМЕРИЛ ТРЕВОЖНЫЕ ДАЛИ...“

Григорий Васильевич Маслов - человек большой и удивительной судьбы. Ветеран Великой Отечественной войны, офицер - он прослужил в Армии с 1940 по 1946 год. После войны детям преподавал историю, занимался краеведением. До самой пенсии работал учителем Новосафоновской средней школы.

В Прокопьевском районе Г. В. Маслова хорошо знают прежде всего по его публикациям в газете „Сельская новь“. Пишет Григорий Васильевич очерки, воспоминания, басни, поэмы, стихи. Этот сборник - своеобразный итог творческой работы и подарок к юбилею. 22 сентября 2000 года Г.В.Маслову исполняется 80 лет.

С днём рождения, дорогой наш Григорий Васильевич! Крепкого вам здоровья и долгих лет жизни!

С уважением, президент районного поэтического клуба
„Чистые родники“, член Союза журналистов России
Г.Ф.Анисимова.

Мастер слова

Более пятнадцати лет назад, я имел смелость, показать своё стихотворение своему учителю Г. В. Маслову. Григорий Васильевич прочитал его, улыбнулся и сказал: „Неплохо. Попробуй послать его в редакцию газеты „Сельская новь“. Я долго не решался, но потом отправил. Через месяц стихотворение опубликовали. Душа ликовала.

С тех пор поэзия стала для меня смыслом жизни, а может частью её. Со своим учителем мы стали встречаться чаще. После каждой встречи я стал осознавать, что поэзией надо заниматься всерьёз. Много работ наших современных литературных критиков я прочитал в периодических изданиях. Но лучшим критиком есть и остаётся для меня Г. В. Маслов. Он мой критик-учитель, наставник и друг.

О творчестве Г.В.Маслова я судить не имею права. Этот человек, которому опыта не занимать, умеет дружить со словом. Его произведения наделены житейской мудростью, опытом и оптимизмом. Каждое слово отточено и стоит на своём месте. Ритм и рифма - непоколебимы. Очень интересными у Григория Васильевича получаются басни, которые отражают нашу повседневную жизнь, отдельных знаменитых политиков. Хорошо владеет такой трудной формой стихосложения как „Венок сонетов“, „Акростих“ и „Акросонет“.

Человеческие качества Григория Васильевича можно изложить одним словом: порядочность. Если внимательно читать его произведения, то между строк можно увидеть характер автора. Любой пишущий человек вкладывает в них не только ум, но и душу.

Маслов Г. В. - поэт думающий и самокритичный. Он не забывает о ком, о чём и для кого написано то или другое произведение. А если так, то у Григория Васильевича всегда будет свой читатель. Хочется пожелать ему творческих успехов, здоровья и счастья. Спасибо за всё, учитель!

Николай Уланов.

Тропа литературная

(Автобиография)

Родился я 22 сентября 1920 года в деревне Балахча Кытмановского района Алтайского края. В Прокопьевском районе (тогда района, как административной единицы ещё не было) - с июня 1932 года (совхоз „Зиминский“).

Писать стихи начал с 6-го класса (1935 г.). После окончания седьмого класса год проучился в Прокопьевском горном техникуме, в 37-ом году поступил в Сталинское педучилище, а в 1939 году педучилище было преобразовано в Учительский институт, и я после окончания 2-го курса педучилища, как и некоторые другие, был зачислен на первый курс (исторический факультет) института.

В июне 1938 года в газете „Большевицкая сталь“ (сейчас Кузнецкий рабочий) было напечатано моё первое стихотворение - „Парашютистка“. Летом 1939 года в Сталинске в сборнике „Десять лет города угля и металла“ (286 страниц, 10000 экземпляров) было напечатано и моё стихотворение „Море - рож“.

При газете „Большевицкая сталь“ был литературный кружок. На одном из занятий кружка я прочитал в 39 - ом году небольшое стихотворение, а именно: „Я не знаю: ну что здесь за вербы?..“

Кружковцам стихотворение понравилось, руководитель наш сказал: „О, нет. Здесь есенинщиной пахнет“. А я Есенина не только не читал, но и сборника его стихов в руках не держал и видеть не видел. О Есенине я знал, что он „такой сякой“, и стихи его запрещены. А запретный плод, как известно, сладок. И я бросился на поиски стихов Есенина. Обошёл все, какие знал, библиотеки. Ответ один и тот же: „Нет, он запрещён“. И все-таки в читальном зале одной из библиотек мне удалось выклянчить сборник „хоть полистать“.

Во второй раз уже без особых колебаний девушка-библиотекарь, правда, оглядываясь по сторонам, подала мне книгу стихов Сергея Есенина.

Закончилась сессия в педучилище. Можно ехать домой, но нет, один я не поеду. Опять иду в читальный зал, отдаю студенческий билет, получаю однотомник стихов Есенина, незаметно выхожу из читального зала, из библиотеки, иду на вокзал и еду домой, уже с Есениным.

За каникулы я не только выучил почти половину стихов его, но и написал небольшую поэму о Есенине „Последняя ночь“, за которую меня исключили из комсомола, после того, как я прочитал её на занятии литературного кружка. Об этом я тогда написал стихотворение, посвящённое Леле Я., выступившей в мою защиту.

Вы, безусловно, помните ту дату,
Когда в тумане бурного собрания
Толпы бездушной слушал брань я
И гордый уходил куда-то...

А сборник стихов Есенина я сдал в читальный зал в тот же день, как приехал в Сталинск.

А есенинское в тот период в моих стихах, действительно, что-то было (только появилось оно до моего знакомства с его стихами), от чего освободиться помог мне А.Т. Твардовский.

После войны, службы в Армии, в июле 1946 года, я прибыл в город Владимир, где поступил в Учительский институт на 1-й курс литфака. В июне 1947 года во Владимир приехали поэты: Александр Твардовский, Михаил Луконин и Платон Воронько. Вечером они выступали в одном из клубов со своими стихами, а утром следующего дня Твардовский встретился с владимирскими поэтами, нас было человек семь. Каждый мог прочитать только одно стихотворение. Я читал вторым. Твардовский сидел за столом. Мы садились на стул против него и читали. Он внимательно слушал, а потом давал краткую оценку. Я прочитал стихотворение „Письмо на Родину“. Твардовский сказал: „Если у предыдущего товарища явное подражание Пушкину, то у Вас - скрытое Есенину“. И всё. Слова Твардовского не расстроили, а удивили меня: в чём же подражание? Ведь в моём стихотворении о войне, до которой Есенин не дожил, и потом, мне кажется, понял: это первая строка. Стихотворение моё начиналось строкой: „Любимая, меня ты упрекаешь“, а у Есенина в „Письме к женщине“ есть такая строчка: „Любимая! Меня Вы не любили“. Не здесь ли собака зарыта? Ну, да ладно.

Вечером того же дня Твардовский приходил в наш институт, а на следующий день, утром, студенты мне говорили: „В нашей стенгазете («Советский учитель») Твардовский прочитал твоё стихотворение. Похвалил. Понравилось твоё стихотворение“. Стихотворение называлось „На границе“. В феврале 1963 года я отнес его в нашу районную газету. С тех пор и печатаюсь. За 37

лет напечатано около двухсот стихотворений различного жанра, две поэмы ("Последняя ночь", "Россия"), отдельные главы из поэм ("Русь непокорная", "Шайка - лейка"), отрывок из сказки в стихах „Сивка-Бурка“, рассказы - воспоминания „Это было давно“, "От Дальневосточных сопок до Австрийских Альп".

Кто-то, может быть спросит: „Стоило ли столько лет) на всё это тратить?“ - „Да, - отвечу я, - стоило, потому что надо уметь не только брать, но и дарить“.

Хотя бы чуточку, крупицу счастья
Семье, друзьям да хоть кому-нибудь:
Лишь доброта украсит жизни путь
Пусть при какой там ни было бы власти.

Григорий Маслов. Июнь
2000 г.

**СТИХИ ИЗ
„ВЕСЁЛОЙ ЖИЗНИ“**

*„Жить стало лучше,
жить стало веселей“.*

И. Сталин.

* * *

Я не знаю: ну что здесь за вербы?
Не такие, как в нашем лесу.
Всё б шептались, взметались вверх бы
И хлестали б меня по лицу.
Я и так весь истерзан, избит весь,
Но не в кровопролитном бою,
А в какой-то невидимой битве
Искогтили всю душу мою.

*Ашмаринский дом отдыха.
1939 г.*

* * *

Исключение из комсомола

Леле Я.

Вы, безусловно, помните ту дату,
Когда в тумане бурного собрания
Толпы бездушной слушал брань я
И гордый уходил куда-то.

Меня хлестал угрозы с час ливень,
И уносил поток лжи в омут.
С последним вызовом живому
Я чувствовал себя счастливей.

О славе прошлой говорить не время
И вспоминать в политику игру,
Когда фашистов бешеное племя
Твою, о Франция, терзает грудь.
Не нужно ждать к прожитому возврата,
На арсеналы сотни пломб повесив
и на рот.
Судьёй бесчестия и подлого разврата
Лишь может быть униженный народ.
Произнесёт им смертный приговор он
Чугунным басом орудийных труб,
И ночь, взмахнув крылом, как чёрный
ворон,
Обезображенный покинет труп.

*Дальний Восток,
ст. Океанская.
1940г.*

КАНДАЛЬНЫЙ ЗВОН

(Венок сонетов)

1

Огарочек надежды и желанья
Пока ещё, мерцая, не погас,
Пока ещё поддерживает нас-
И мы спешим куда-то с опозданием.
Нам кажется, что в наши времена
Всё было проще, лучше и скромнее:
Глупцы глупей и умники умнее,
Вкуснее чай и ласковой жена...
Так старый дуб, израненный войною-
Когда-то гордость парка и краса-
Бесшумно жухлой шелестит листвою,
Не веря ни в какие чудеса.
Но память о былом сегодня с ним
На склоне лет мы бережно храним.

2

На склоне лет мы бережно храним
В непрочной памяти крупницы счастья.
В былые дни смертельного ненастья
Судьбою нам дарованы они.
Не взрывов потрясающие звуки
(Тогда гремела над страной гроза)-
Запомнил я усталые глаза
И нежные мозолистые руки.
То были руки девушки. Не раз,
Последние усилья напрягая,
В бою они поддерживали нас...
Минувшее браня и проклиная,
Из памяти его мы не тесним,
Быть может потому, что легче с ним.

Быть может потом что легче с ним
 С холодным равнодушием, живётся:
 Ровней дышать, спокойней сердце бьётся,
 И мы в беду попавшим не спешим
 Помочь. Своё спокойствие дороже
 Чужих несправедливостей и бед.
 До них нам никакого дела нет.
 Пусть разбираются там кто как может.
 И мы проходим молча стороной.
 Но нет! Пока ещё живём на свете,
 То мы за всё решительно в ответе:
 За то, что было с нами и страной,
 За страх, за эпидемию молчанья
Нести нам тяжкий груз воспоминанья.

Нести нам тяжкий груз воспоминанья
 Как ни прискорбно, - всё же суждено,
 И мы смиряемся: ведь всё равно
 Не будет нам от внуков оправданья.
 Какая сила всех нас, весь народ,
 Встряхнув, идти за Ним заставила,
 Кричать: "Ура, товарищи, вперёд!
 Вперёд за Родину, за Сталина!"
 А может быть, то был кошмарный бред?
 Иль страшный сон? Попробуй разбери нас.
 Не мы дошли, быть может, до Берлина?
 Не мы и в космос проложили след?
 Да что там говорить - ведь все равно
Бессмертия нам грешным не дано.

Бессмертия нам, грешным не дано:
 Не потому ль порою в час угрюмый
 Невольно погружаемся мы в думы.
 Не о грядущем, нет: для нас оно
 Туманно. Прошрое порой тревожит
 Чем далее - тем глубже и сильней.
 На Высший суд, суд Совести своей
 Пусть наш остаток памяти поможет
 Самих себя нам в кандалах доставить,
 В содеянном раскаяться заставить.
 (Мы шли всегда, то явь была - не сон,
 Победным маршем под кандальный звон).
 Да, было так. На свете всё бывает:
Ведь даже боги в мифах умирают.

Ведь даже боги в мифах умирают
 Не то, что там "герои" иль вожди:
 Добра от них особенно не жди -
 Лишь про себя они не забывают,
 О нас им думать просто недосуг.
 Но вечна жажда счастья и свободы,
 Ещё "Явление Христа народу" -
 Искусство, достижения наук.
 Рукою мавра вопреки закону,
 Четвёртый век, подряд из года в год
 Шекспир (о ужас!) душит Дездемону,
 Она, дитя невинное, - живёт.
 Живёт на сцене, радуясь, страдая -
Не в пекле ада, не в блаженстве рая.

Не в пекле ада, не в блаженстве рая,
 А на Земле, чью грудь терзают, рвут
 Одни от голода, болезней мрут,
 Другие - в роскоши безумной утопая.
 Так продолжается из века в век
 С тех пор, как у огня в пещере,
 По - волчьи пасть голодную ощерив,
 Ударил человека человек
 И вырвал кус- дневной трофеей охоты,
 Сказав при этом коротко: "Моё!"
 И женщину с тигриною походкой
 От побежденного с собой увёл.
 Исход один - другого не дано:
В земле пылинкой стать нам суждено.

В земле пылинкой стать нам суждено.
 Науки корифей, простой трудяга,
 Мошенник, вор, лентяй - бродяга
 Земля приемлет всех: ей всё равно...
 Традицию храня и соблюдая,
 Один из сослуживцев иль коллег
 Толкает речь, с прискорбием вздыхая
 (Хоть скот усопший - всё же человек).
 С годами меньше резвости в движениях,
 Порывов, в жестах и ходьбе.
 Закон земного притяженья
 В природе есть. Мы знаем по себе.
 По совести, по принципам морали
Подумать и о ней нам не пора ли...

Подумать и о ней нам не пора ли
 В кругу друзей, товарищей, в семье
 О самом главном в жизни - о земле,
 Пока её не доизмордовали.
 Прислушайтесь: глухой надрывный стон...
 Тревогу в нас он пробудил в любом бы.
 Прислушайтесь: испытывают бомбы
 В десятки, сотни тысяч мегатонн.
 И эти испытанья с каждым годом
 Опаснее становятся, сильней.
 Вполне довольные судьбой своей,
 Забыли мы, гонясь за ультрамодой,
 За сверхсвободным Западом спеша:
Ведь по Земле был сделан первый шаг.

Ведь по Земле был сделан первый шаг
 В далёкий путь от отчего порога
 Через леса просёлочной дорогой
 На проторенный дедами большак.
 Ведь на Земле синонимами стали
 Слова родные: Родина и мать.
 За них мы шли в атаку умирать
 И, побеждая, молча умирали.
 На ней познали мы родную речь -
 Бесценный дар великого народа.
 На ней росли, мужали год от года...
 Так как же Землю - мать нам не беречь?
 Без щедрости её ушли б едва ли
К сохе, в моря, в космические дали.

К сохе, в моря, в космические дали.
 Века блуждая в лабиринте троп,
 Пришёл полудикарь питекантроп,
 А может быть, неандерталец -
 И вздрогнули от взрывов города.
 Итог каков? Попробуйте проверьте!
 Два города навечно, навсегда
 Остались городами смерти.
 И это не финал был, а разбег
 Для более жестокого удара.
 Какую встретит двадцать первый век
 Планету? В пекле ядерных пожаров?
 Не можем мы судьбу Земли решать,
Коверкая, ломая и круша.

Коверкая, ломая и круша
 Мы строим, создаём, возводим;
 Напряжены, как автомат на взводе;
 Не с нами кто - уйди и не мешай.
 Нам всё под силу, всё мы можем.
 Вершины неприступные - взойдём.
 Плотины на вершинах? - Возведём!
 В сё старое сметём и уничтожим...
 А прокричав победное "ура",
 Мы завтра от разбитого вчера
 Осколки молча будем собирать,
 Чтоб в новом доме щели залатать.
 Так с древности в заботе и печали
Мы от Земли все блага жизни брали.

Мы от Земли все блага жизни брали
 По совести, сверх нормы, про запас.
 Ей ничегошеньки не жаль для нас,
 Лишь только б мы рассудок не теряли,
 Не враждовали б из-за этих благ,
 Как джентльмены, вели себя достойно;
 Договорились, прекратили войны
 Тогда бы жизнь на радость нам была.
 "Послушайте, прошу вас, - так просила, -
 Живите дружно, как одна семья, -
 Так умоляет, просит нас Земля, -
 Не в бомбах - в разуме людская сила.
 Берите всё, что требует душа,
Не заплатив и медного гроша".

Не заплатив и медного гроша
 За перезвоны голубой капели,
 За жаворонка трепетные трели,
 За чуткий шелест в гуще камыша,
 За звезд улыбки, утренние зори,
 За брызги солнца в розовом пруду,
 За цвет черешни, яблони в саду
 И за раздолье в голубом просторе,
 Считаем мы, что так должно и быть,
 Но всё ж за то, что жалуется в дар нам,
 Хоть чуточку быть надо благодарным:
 Оберегать природу и любить,
 Как бережём в преддверье увяданья
Огарочек надежды и желанья.

Огарочек надежды и желанья
На склоне лет мы бережно храним,
Быть может потому, что легче с ним
Нести нам тяжкий груз воспоминаний.
Бессмертия нам, грешным не дано:
Ведь даже боги в мифах умирают.
Не в пекле ада, не в блаженстве рая -
В земле пылинкой стать нам суждено.
Подумать и о ней нам не пора ли!
Ведь по Земле был сделан первый шаг
К сохе, в моря, в космические дали;
Коверкая, ломая и круша,
Мы от Земли все блага жизни брали.
Не заплатив и медного гроша.

1998 г., 2000 г.

ПУШКИНУ

(Венок сонетов)

1

"Мороз и солнце"! Да зимою
Такие дни светлы, тихи,
И в памяти само собою
Всплывают дивные стихи:
"Мороз и солнце, день чудесный! .."
Пора, красавица, проснись"
В квартире, в комнате нам тесно:
Сбегаем по ступенькам вниз.
Какой простор, какая свежесть!
В восторге хоть "ура" кричи,
Лентяй лишь может на печи
Лежать под шубой, томно нежась.
Друзья, да что там говорить:
Чудесней дня не может быть.

2

Чудесней дня не может быть.
Когда порядок дома, в поле,
Когда в набат не надо бить,
Страна не корчится от боли,
Когда улыбка от души,
Без дела не ржавеет молот,
Когда не плачут малыши,
Не зная, что такое голод,
Когда в почёте труд и честь,
За труд - достойная награда,
Когда в России, то, что надо,
В достатке, в изобилье есть.
Но что б ни стало со страной -
Стихи твои всегда со мною.

Стихи твои всегда со мною.
Не мог же я их позабыть:
Ты научил меня, не скрою,
Природу, Родину любить.
Былому в облаке тумана
Сокрыться было суждено.
Я видел башни Аккермана
И пил молдавское вино,
Смотрел на водную стихию
И слушал волн немолчный шум,
Как в полусне, лишенный дум,
Шептал, читал твои стихи я.
Иначе не могло и быть:
Их невозможно не любить.

Их невозможно не любить
Стихи твои, - познания средство.
Они, как Ариадны нить,
Ведут нас в мужество из детства.
Не злато и не серебро
Во дни тяжелого ненастья -
Ты проповедовал добро -
Источник радости и счастья.
Когда навис девятый вал
И захлестнул Свободы пламень,
Ты тверд и крепок был, как камень,
" И милость к падшим призывал".
Как драгоценное наследство,
Стихи твои мы знаем с детства.

Стихи твои мы знаем с детства
 Когда наш мир был - стол, постель.
 Тогда-то, в наше малолетство,
 Зимой пела нам метель,
 Стенала, вихрилась у дома
 (Не знаю, что её влекло),
 Шепталась с кровельной соломой,
 Упорно в мерзлое стекло
 Озябшим путником стучала...
 Что мог понять тогда малец?
 Потом я понял, наконец:
 Она стихи твои читала.
 Стихи! Их слушал млад и стар.
Они для нас - как Божий дар.

Они для нас, как Божий дар.
 Стихи твои, поэмы, драмы;
 Они сильнее, чем удар
 На звоннице святого храма,
 Тревожат добрые сердца,
 Сердца открытые, простые
 За участь сына или отца,
 Или за нашу мать - Россию.
 Сейчас у нас порядка нет,
 Но верим мы, хоть и не сразу,
 Вернутся к нам закон и разум,
 Мы верим, верь и ты, поэт.
 Тебя мы ценим с малолетства,
Как драгоценное наследство.

Как драгоценное наследство
 Не в тайниках и не в ларцах
 Храним мы, повторяю, с детства
 Стихи твои в своих сердцах,
 Сердцах не робких, а свободных.
 Как твой преемник говорил:
 "Во дни торжеств и бед народных"
 Всегда ты вместе с нами был.
 Как ни печально, узы братства
 Не так едины и прочны,
 И дни тревожны и мрачны...
 О, сохраним ли мы богатство
 На многие годы, навсегда,
Вручённое судьбою? - Да.

Вручённое судьбою? - Да.
 Наследство я ввиду имею -
 Оно пленяло нас всегда
 Волшебной прелестью своею
 В разгул неразберихи дикой
 Оно воспитывает вновь
 В нас верность Родине великой
 И беззаветную любовь;
 Всегда тревожило умы
 И порицало зло открыто,
 А у разбитого корыта
 Сегодня оказались мы.
 Запали в душу нам глубоко
Стихи твои, как глас пророка.

Стихи твои, как глас пророка,
 На жизненной стезе глухой
 Нас охраняют от порока,
 Вселяют веру и покой
 В сердца неопытные наши
 (Твоих заслуг не перечить)...
 С тобою жизнь полней и краше
 Спасибо, что ты был и есть.
 Да, есть и будешь бесконечно,
 Пока Россия есть, жива,
 И в рифму просятся слова:
 Сердечно, безупречно, вечно.
 Стихи твои (В них столько дум!)
Сердца нам жгут, тревожат ум.

Сердца нам жгут, тревожат ум.
 Твои бессмертные творенья.
 Метели вой, дубравы шум,
 Орла свободное паренье -
 Всё это просто, величаво,
 Как в наступлении "ура".
 Возможно, был ты под Полтавой
 В обличье "крестника Петра"?
 Иль было проще: важность темы
 Тебя пленила и влекла
 И мысль свободно потекла
 В стихи, прекрасные поэмы,
 В стихи, а не словесный бум.
О сколько в них великих дум!

О сколько в них великих дум
 О жизни вольной и свободной
 (И к счастью - не на беду)
 Дружил ты с мудростью народной.
 Она, как ранний солнца луч,
 В тебе надежды пробуждала
 И разгоняла стаи туч,
 И вдохновение рождала.
 В душевность, разум верил ты
 Простого русского народа,
 Ты знал: взойдёт Звезда свободы...
 Но были прерваны мечты
 (Судьба была к тебе жестока):
Из жизни ты ушёл до срока.

Из жизни ты ушёл до срока...
 Что толку прошлое судить?
 Оно от нас уже далёко,
 И нам его не изменить.
 Вот и сегодня зла не мало:
 Россией правит беспредел,
 Она свой облик потеряла -
 Таков поверженных удел.
 Где деньги - там и власть. и сила.
 Так было вечно, испокон.
 Таков истории закон.
 Она его не изменила
 В минувшие две сотни лет.
А может не погиб ты? - Нет!

А может не погиб ты? - Нет
 Как встарь, нам истину вещаешь,
 Как негасимый яркий свет,
 Нам бездорожье освещаешь,
 Чтоб мы могли не как-нибудь
 Идти куда-то два - три года,
 А чтоб избрали верный путь,
 Достойный нашего народа.
 Из драгоценного богатства,
 Что ты оставил, ныне вновь
 Берём мы чистую любовь,
 Свободу, мужество и братство.
 Вот в чём бессмертия секрет.
Ты и сегодня жив, поэт.

Ты и сегодня жив, поэт.
 Средь нас в явлениях природы:
 И утра радостный рассвет,
 И вихри зимней непогоды,
 И ветра вой в печной трубе,
 Его неистовость, рыданье
 Напоминают о тебе
 В глуши невольного изгнания;
 Травы багрянец у двора,
 Прозрачный лес и неба просинь -
 Ведь это ж "золотая осень",
 Тобой любимая пора.
 Бодрит нас, радует порою
Мороз и солнце... Да, зимою.

"Мороз и солнце"! Да, зимою
Чудесней дня не может быть.
Стихи твои всегда со мною:
Их невозможно не любить.
Стихи твои мы знаем с детства,
Они для нас, как Божий дар,
Как драгоценное наследство
Вручённое судьбою. Да,
Стихи твои, как глас пророка
Сердца нам жгут, тревожат ум.
О сколько в них великих дум!..
Из жизни ты ушёл до срока,
А может не погиб ты? - Нет.
Ты и сегодня жив, поэт.

Написано в 1999 году к двухсотлетию

А.С. Пушкина.

ДОБРО ВОЗЬМЁМ С СОБОИ

(Венок сонетов)

1

Вчерашний след наш замело порошей
И не жалеет мы о нем ничуть,
А пройден нами был не малый путь,
С ухабами, терновникам заросший.
Изнеможённые тяжёлой ношей,
Мы падали, не смея отдохнуть,
Ползли, вставали, разрывалась грудь...
С кого ответ за путь наш будет спрошен?
С поводырей, ушедших в мир иной
(Деянье их не поглотила Лета)?
Ошибки бы их нам не повторить.
Сквозь смог туманно-дымный над страной
Встаёт заря неяркая рассвета -
Настало время новый путь торить.

2

Настало время новый путь торить.
Хоть было трудностей у нас немало -
Трудней всегда, везде, во всем начало.
А время - деньги, говорят, сорить
Мы им не вправе. Как его хранить,
Чтобы оно бесцельно не пропало?
Для этого, возможно, не мешало б
Уметь не только брать, но и дарить
Хотя бы чуточку, крупицу счастья
Семье, друзьям да хоть кому-нибудь.
Лишь доброта нас может озарить
Пусть при какой там ни было бы власти.

Нам предназначен в жизни новый путь,
Не лёгкий путь, что зря его хвалить.

3

Не лёгкий путь, что зря его хвалить.

Пока не видно проблеска погоды,
И что сулят грядущие нам годы,
Кого и кто начнёт опять громить?
Не можем мы, чтоб чью-то кровь не лить
Под флагом "братской помощи", "свободы"
Или, пардон, из-за последней моды:
Какие жёнам трусики носить.
Былым ударникам сейчас на смену
Пришёл деляга, спекулянт - торгаш,
Бесчестный циник, пробивной и дошлый...
Хвала правителям и бизнесмену
За рыночно-свободный ералаш!
Не легче было нам и в жизни прошлой.

4

Не легче было нам и в жизни прошлой.

Не легче? Нет, намного тяжелей,
Но шли мы с твёрдой верою своей
Под свист кнута и под призыв истошный
К заветной цели, что сквозь мрак кромешный
Сиянием невидимых лучей
Пленила нас, измученных людей,
Кто жил мечтою, а не жизнью здешней.
Противиться? Лишь время тратить зря
Себе и близким всем твоим на горе:
В краю, лесами дикими заросшем,
Их ждали тюрьмы и концлагеря
Иль пуля в полутёмном коридоре.
Кто мог похвастаться судьбой хорошей?

Кто мог похвастаться судьбой хорошей?
 Судьба могла лишь благоволить тем,
 Кто от рождения был глух и нем:
 Кто молча жил, не мог быть и допрошен.
 Иль чеховский герой с зонтом, в галошах,
 Да, Беликов, вы помните его,
 Говаривал: "Не вышло бы чего -
 И летом может запуржить пороша".
 НКВД и партии видней,
 Как в образ воплощать предмет природы,
 О чём должны писать и говорить -
 Всё измерялось верностью идей
 В суровый век партийной диктатуры.
Кто мог свободно мыслить и творить?

Кто мог свободно мыслить и творить?
 И все-таки (Знать, это божья милость
 Ниспослана) - духовность сохранилась.
 Вот только бы её не уронить,
 Сберечь. Она, как Ариадны нить,
 Из той беды, что много лет копилась,
 Потом на наши головы свалилась,
 Поможет выйти. Только б не залить
 Наш путь слезами и потоком крови
 По воле неразумных генералов,
 За что народ обязан их судить.
 Идя, к какой, пока не знаем, нови,
 У власти не потерпим каннибалов.
Об этом тоже надо говорить.

Об этом тоже надо говорить.
 Нет, нет! Молчать мы не имеем права -
 Развалена Советская держава,
 Теперь хотят Россию развалить,
 А мы молчим. Тревогу надо бить,
 Чтоб поняла бесчестная орава
 (В руках их власть, теперь нужна им слава),
 Что нас нельзя так просто покорить.
 Да, жили мы не так, как все народы:
 У нас была обязанность и долг,
 За что в ответе каждый был и спрошен.
 Не знали вседозволенной "свободы",
 А есть ли в этакой "свободе" толк?
Теперь свободны мы от всякой ноши.

Теперь свободны мы от всякой ноши:
 Заброшены, забыты совесть, честь,
 А у кого они остались, есть -
 Не выставляйте их на вид, как броши.
 Они не платье украшают - души,
 Вражду смиряют, ненависть и месть
 И гонят прочь гордыню, лесть.
 Согласны вы? Не будем бить в ладоши.
 От этой мысли радостно, светло.
 Выходим мы на новую дорогу,
 Но не поймём "где лево, а где право",
 А на душе спокойно и тепло:
 Мы честно крест несли свой. Слава Богу,
Померкла и сомнительная слава.

Померкла и сомнительная слава
 Что нас, как стадо, на убой вела,
 Но также слава добрая была,
 Рожденная не на войне неправой,
 Где верные присяге и уставу
 Вперед бежали с воплями "ура"!
 И всё же были добрые дела,
 Что славили Советскую державу.
 Трудней иль легче было год от года,
 Но в лучшее мы не теряли веру.
 Тюрьмы железная открылась дверь.
 Наш путь был плох? Так почему ж народам
 Из стран других являлись мы примером?
Нет, совесть нас не мучает теперь.

Нет совесть нас не мучает теперь.
 Где разум в людях побеждает страсти,
 Туда приходят всякие напасти.
 Каков итог прихода их? Измерь
 Попробуй. Только без потерь
 Людских и жертв не уступают власти
 Правители любой окраски, масти
 (Ведь крови жаждать может только зверь).
 А если зверь, вы скажете, иль стая
 Зверей подступит, что ж мы, им ни слова,
 Так что же делать, как же с ними быть?
 Здесь ситуация совсем иная,
 Ответ найдёте в басне И. Крылова.
О прошлое, не нам тебя судить.

О прошлое, не нам тебя судить,
 Но всё учитывать должны мы строго,
 Чтоб в Завтра собственной идя дорогой
 Твоих ошибок нам не повторить.
 А их - о, даже страшно говорить -
 Так много было, очень, очень много.
 Мы шли вперёд не по тропе пологой -
 Карабкались, чтоб скалы покорить.
 Всю жизнь мы что-нибудь да покоряли:
 Ходили в бой за уголь и металл,
 В борьбе на сено скашивались травы,
 Пуды собирали, тоннами теряли...
 Теперь -то, может быть, и срок настал
Решать: где правы были мы, не правы?

Решать: где правы были мы, не правы?
 А толк какой из этого сейчас
 И что решение любое даст?
 Духовность возродит, исправит нравы?
 Иль просто, ради, так сказать, забавы?
 А может, время самое как раз
 Взглянуть вперёд - что ожидает нас,
 Забыть про блеск минувшей дутой славы.
 Идя вперёд, по сторонам гляди:
 Направо, влево - ты ж не на параде,
 Хоть приблизительно на глаз измерь
 Свой путь и знай, что ждёт нас впереди.
 Не думая о почестях, награде.
В грядущее для нас открыта дверь.

В грядущее для нас открыта дверь.
 Готовы? Перед дальнею дорогой
 Присядем на минутку у порога.
 О, сколько было горестных потерь!
 Была и радость тоже, а теперь
 В далекий путь без спешки, понемногу
 За шагом шаг, за шагом шаг... Ну, с Богом.
 Всё будет хорошо, мой друг, поверь.
 Минуло время бурь и потрясений,
 На горизонте слабый виден свет
 (Он может нам дорогу озарить).
 Лишь в нас самих надежда и спасенье,
 А к прошлому возврата больше нет.
Настало время новый путь торить.

Настало время новый путь торить.
 Куда идти? Не в райскую ль долину.
 Где жизнь - не жизнь, а сладкая малина,
 Где можно всё, что хочешь, есть и пить,
 А от безделия баклуши бить,
 Где делать будут все за нас машины?
 Рай - пастбище, да, - выпас для скотины,
 А для людей его не может быть.
 Добро и зло у нас перемешалось.
 Оставим зло, добро возьмём с собой.
 Оно не будет непосильной ношей:
 Поддержит бодрость, сократит усталость.
 Россия, новый путь перед тобой.
Вчерашний след наш замело порошей.

Вчерашний след наш замело порошей.
Настало время новый путь торить.
Не лёгкий путь, что зря его хвалить.
Не легче было нам и в жизни прошлой.
Кто мог похвастаться судьбой хорошей?
Кто мог свободно мыслить и творить?
Об этом тоже надо говорить.
Теперь свободны мы от всякой ноши.
Померкла и сомнительная слава.
Нет, совесть нас не мучает теперь.
О прошлое, не нам тебя судить.
Решать: где правы были мы, не правы.
В грядущее для нас открыта дверь -
Настало время новый путь торить.

7 августа 1995 г.

Моя семья
1933 год, г.Прокопьевск

Сталинское педучилище, 2-ой курс, 1938 год.

Дальний
год.

Восток, 1942

1945 год.

15 июля 1946 года, г.Владимир.
Перед свадьбой.

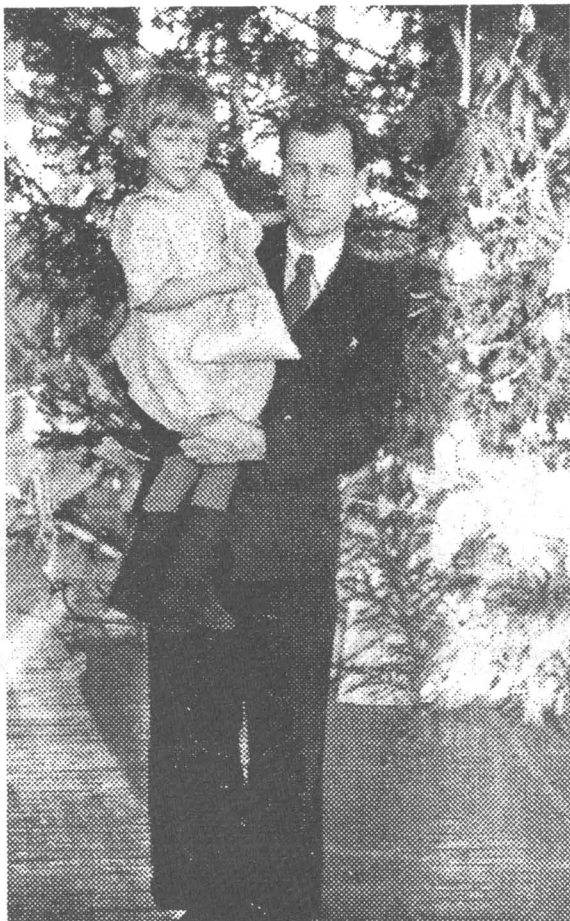
Мой первый класс (6-ой).
Островнянская школа № 7 Мишкинского района,
Курганской области.

Курсы учителей литературы при
Мишкинском педучилище.

Тырган, январь 1953 года.

Новый 1954 год!
У ёлки в Прокопьевском горном техникуме.

С сыном, 1955 год.

На доске почёта в
Прокопьевском горном техникуме, 1954 год.

Конец учебного года!
31 мая 1959 года.

Семидесятые годы.

ВОЙНОЙ ОПАЛЁННЫЕ СТИХИ

Беженка (На вокзале)

Я видел беженку, лет девяти, не боле.
Под репродуктором притихший замер зал.
Дремала девочка – живой комочек боли.
На окнах зимний день узором замерзал.
Быть может, снилось ей иль вспоминала
о том, как
Их эшелон горел, кругом галдёж и вой,
Мороз иль пламень жёг, в руках платок,
котомка,
Истощный крик и стон – кто ранен
и живой...
Очнулась девочка, глядят глаза устало:
Всё тот же зал, диван... Кружится голова,
Стучат в виски ненужные слова,
А слово «мама» без вести пропало.

1943 год.

Тоска по Родине

Жизнь кипит под неба синим зонтом.
Всё смешалось: радость и печаль.
За чужим холодным горизонтом
Мне мерещится иная даль.
Горизонт становится всё шире,
Ярче краски, на душе светлей:
Вспомнил я простор родной Сибири –
Несравненной родины своей.
Здесь, в чужой стране, на юге,

Многое увидеть довелось.
Только нет здесь диких песен вьюги
И в степи тоскующих берёз.

1946 год,
Венгрия.

Раздумье

Я измерил тревожные дали
И войной опалённую ширь.
Много раз мне кукушки рыдали
В полусонной таёжной глуши.

Ворковала о чем-то река мне,
Может быть, о раздолье полей,
Думу вечную думали камни
О судьбе неизменной своей.

Цвет черёмухи, зоревый вечер,
Освежённые нивы росой
Опьяняли, как нежные речи,
Как медовый ликёр «Кюросо».

И с тех пор (Ну да это неважно,
Жаль, что в «завтра» утерян билет).
Словно в фильме короткометражном,
Промелькнуло так много лет.

Дни далёкие!.. Всё, между прочим,
Улетает, как праздничный бред.
Остаются бессонные ночи
И Луна, словно старый берет.

Не забыть никогда только долгий
Путь к Победе, сражений места.
Хорошо при исполненном долге
И спокойно – коль совесть чиста.

МИНИ – БАСНИ, ШУТКИ

Эксперимент

Чтобы повесить жирность молока,
Мы стали массажировать бока
Коровам.
Эксперимент был новым,
Итоги же – отрадные,
Хотя досталось нам
И не легко.
Теперь дояркам по утрам
Бурёнушки дают не молоко,
А масло... шоколадное.

1987 г.

У винного

Сошлись три Хряка, схрюкались:
Строили и наклюкались.
Один прохрюкал: «Праздную
Я день рожденья, братия».
Другой: «За буржуазную
Я пью за демократию».
Их друг:
«Пока что ни кола ещё,
Не дал он для двора...
За Фоку Николаевича,
брательника»...
-Ура!

1991 г.

Коровий бунт

Коровы бунт подняли: топот, вой.

Мычат: «Долой

Осеменатора!

В навоз его, вредителя»!

«Хотим кооператора,

Быка-производителя»!

Мумычат резолюцию,

Подписывают хартию,

Поносят революцию

И лепят всё на партию.

1991 г.

Волк и бизнесмен

-Как я дождусь поры ночной,

Пойду к овечьему загону.

-Я жду системы рыночной,

Чтоб грабить по закону.

1991 г.

Перестроились

Часы урочные пробили –

Застоя сброшен тяжкий груз.

Россию – матушку пропили

И развалили весь Союз.

1992 г.

Сами справились

Нам были не нужны из ЦРУ агенты –
Их роль сыграли наши президенты.

1992 г.

Президенту

Ты скажи нам ради бога: чей
Капитал растим мы, умножаем?
Честных работяг иль богачей?
Бизнесменов! Кистеня, ножа им
Не хватает, именно ножа
Для, ещё ночного, грабежа.

1992 г.

Премьеру

Бога ты не трогай дар,
Нашу жизнь, премьер Гайдар.
Ценами нас не щемит:
Мы же будем нищими,
Голыми, как скалы гор.
Пощади ты нас, Егор.

1992 г.

Если бы

Был бы жив твой дед Аркаша,
Сбор Мальчишкам протрубя,
Ох, берёзовою кашей
Угостил бы он тебя
И сказал бы: «Нот о кей,
Буржуиновский лакей».

1992 г.

СТИХОТВОРНЫЕ «ФОКУСЫ»

Несун

(Акрomezостих)

Недоволен стал несун
и несушка.

Есть запас в заначке
и усушка.

Сунешь раньше
в сумку кус
-и мерси!

У вахтёра на виду
проноси.

Нынче нам – заслон
несунам.

Я люблю тебя

(Акротелестих)

Я люблю капель апреля.

Дужи дрёму, моря гул.

Юмор, смех и грусть свою

Березняк, столетний дуб.

Лунность, звёздный караул.

Юность, павшую в бою.

Темень ночи, солнца свет.

Единенье на Земле.

Бури вой и шёпот губ

Я, о жизнь, прости меня

Я люблю тебя.

У нас во дворе

*(Каждая строка читается одинаково
как слева направо, так и справа налево)*

Я Ната, баба Таня

в доме мод.

В

Дом мод

Том не лез: зелен мот.

А за молоком около МАЗ-а
народ, буча – за чуб, до ран.

-А, зараза!

-Я-а хилая, а лихая,

а ты-та...

На, раб, баран!

Тут

топ, раж, жар, пот,

воров

доход,

А на

лугу гул.

У сёл в лесу

и шалаша

и шорохи хороши.

ЖЕЛАЮ ВСЕМ ДОБРА

(Букет акросонетов)

ПРИМЕЧАНИЕ

Акrostих – «Стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют какое-нибудь слово или фразу», - С.И. Ожегов.

В букете акросонетов 16 акросонет состоит, в основном, из таких фраз (добавлены рифмующиеся слова).

1

Желаю всем добра. Оно ведь здесь.
Его найдёшь в саду, на ферме, в поле.
Лишь тот, кто слеп, его не видит в школе,
А в жизни и такие люди есть.
Ютится где-нибудь оно, но лезть

В карман лентяю и по доброй воле
Совсем не хочется ему. Доколе.
Ещё придётся ждать кого невесть?
Мечты сбываются всегда быстрее,

Добром когда пропитаны они.

О чём мечты? Конечно, о прекрасном:
Былое в памяти пусть не стареет,
Работа чтоб была, теплее дни,
А главное – трудиться не напрасно.

Его открыть, увидеть только надо,
Гордыней заслонённое добро.
Оно, как золото иль серебро,

Надёжно скрыто от чужого взгляда.
Ищи его: оно твоя награда.
Крупница малая его, добра,

Тебе дороже станет серебра.
Она душе нужна – не для парада.

На помощь в трудный час оно приходит.
Его дарим и мы семье, друзьям.

Добро не прячь за каменной стеною,
А пусть оно решение находит:
С кем можно подружиться, с кем нельзя.
Так в дальний путь! Добро возьмём с собою.

Любовь святая – девушкам отрада.
Они мечтают о такой любви.
Весенним вечером её лови
И не раздаривай кому не надо.

Уставшие порою до упаду
Домой приходим. Милый, не зови,
А как начнут концерт свой соловьи,
Чуть закусив, спешим к беседке сада.
Усталость сброшена, заботы прочь,

Спешим, хоть думаем: сейчас поспать бы.
Мечты – услышать нежные слова.

Ещё одна божественная ночь.
Любовь, любовь – и ничего до свадьбы.
О, да, конечно, бабушка права.

4

А юношей добро – мужская честь.
Не чин, не сан и не Звезда большая,
А ум, дела благие украшают
Мужчину, презирающего лесть.

Не можно всех достоинств перечесть
Его, пардон, мужчины – шалопаю.

Вперёд идёт, на шаг не отступая,
Сражаться с кем-то, а за что – невесть.
Ещё достоинства его какие?

Работать любит, если не филон,
А погулять, об этом нет и речи:
Все «за» мероприятия такие.
Немолчный гомон и стаканов звон;
Орут, как в Новгороде не вече.

5

Юлить постыдно, пагубна и лесть.
Судачить небылицы про соседа –
Такой позор. Лишь умная беседа
И доброта не порождает месть.
Ценить умей друзей, родных победы
И зря не отвергай советы деда.
Я думаю: в них польза всё же есть.

Зовёт нас долг вперёд, пора присесть,
А там пойдём неведомой дорогой...

Куда? Не знаем. Только бы идти,
О, только бы подальше от болота.
Ну, в добрый путь от отчего порога.
Нас ждут большие трудности в пути,
А там, на месте, новая работа.

6

Вредны для всех и каждого разлады,
Соперников словесный перепал,
Единовластие, распад, развал,
Гребёж – всё то, чему бандиты рады.

Для жуликов, воришек нет преграды,
А для трудяги «чёрный день» настал:

Он основное в жизни потерял,
Но жить, хоть без работы, всё же надо.
Ах, эти деньги, грязные рубли,

Приносите не радость вы, а горе.
«Реальная, - сказали б деньги, - ложь,
А вы, как парусные корабли
Во время шторма полного на море,
А всё ж без нас никак не проживёшь».

7

Согласию и дружбе люди рады,
Естественно, любви и красоте.
Горим желаньем быть на высоте
Олимпа иль какой, Бог весть, преграды.
Добру подчас сопутствуют награды.

Не прерывались бы минуты те,
Являлись в повседневной суете

Не ради славы – для души отрады.
А верность? На неё немалый спрос.
Дороже, чем оазисы в пустыне
Она для нас теперь. Мы ждём Мессию:

На небо вознесён от нас Христос,
А вот Иуда здравствует поныне.
Молись, чтобы не продал он Россию.

8

Ещё любви такой, какая есть.
Дай, Боже, каждому из нас на счастье:
И тем, кто сир, и кто стоит у власти
Над нами, кто воспринимает лесть
Службным долгом (их не перечесть –
Таких людей). От них одни напасти
В быту, на службе, в воинской ли части.
О, где же вы: порядочность и честь?

Давно ли мы своей страной гордились?
Россия часть лишь той страны была.
У Запада не шли на поводу мы.
Живём по-новому - переродились:
Большие заморожены дела...
Уныние? О, нет. Пока что думы.

9

Манят порой заоблачные дали:
Устали мы от бед и суеты.
Живёт кто без желанья и мечты,
Едва ли счастлив может быть, едва ли.

Союз народов мирных растерзали,
Теперь грызню за главные посты

Ведут открыто в гуще нищеты
Они, кого мы сами выбирали.

Очнитесь и подумайте о нас,
Трудящихся на производстве, в поле,
Верните нам уверенность в себе,
А мы всегда поддержим дружно вас.
Грядущее тревожит нас до боли,
Успехи ваши в деле – не в борьбе.

10

Другой, нам нужный, заслоня путь,
Убогие и жалкие кретины
Рисуют ультрарайские картины,
Активно призывая повернуть
К Европе взор. Не надо будет гнуть

Уставшие в работе спины.
Подобное житьё лишь для скотины,
А нас работой вам не припугнуть.
Давно ли труд был доблестью и славой,
Как подвиг ратный, подвиг трудовой
У нас всегда ценились наравне.

Расстались мы с Советскою державой,
А ныне с очумелой головой
Дорогу ищем в чуждой стороне.

11

Один, достойный нашего народа.
Теперь мы ищем путь в ночной глуши.
Ещё есть время. Только не спеши.
Чего спешить? Наладится погода.
Ещё таких быть может два-три года.

Сердечные волнения заглуши:
Терять нельзя спокойствие души.
Взгляни вокруг: жива, цветёт природа.
Она, как мы, всегда из века в век

Бывает ласкова, добра, сурова.

Ей безразлична наша суэта.
Дары её приемля, человек
Наносит вред ей снова всё и снова.
Очнись, безумец, гибнет красота.

12

Бороться – только в спорте за медали
Европы, мира иль своей страны.
Защита Родины – ваш долг, сыны.

Держитесь так, чтобы враги узнали
Единство, силу – и тогда едва ли
Любители грабительской войны,
Армейские чины,

Дерзнут нарушить мир, да-да, едва ли.
Немало было недругов у нас:
И крестоносцы – рыцари, и ханы

Из дальних, ближних и соседних стран.
Дрались и меж собой, шли класс на класс
У мира на виду, как хулиганы.
Такой, знать, жребий нам судьбой был дан.

13

Работать с огоньком, не как-нибудь.
А безработному куда податься?
Бродяжничать иль бизнесом заняться?

О, этот бизнес, трижды проклят будь.
Тебя здесь могут просто обмануть,
А если смог ты как-то удержаться –

Гляди: о, конкурент? Опять сражаться?
Да-да, таков закон. Ну, в добрый путь.
Естественно, наш путь привёл в трясину.

О нём сейчас не стоит слёзы лить.
На новую выходим мы дорогу.
Архаровцы удар наносят в спину,

Абреки не дают спокойно жить.
Уймётесь, изверги, хоть ради Бога.

14

А главное, чтоб мир был и свобода.
Ушли, чтоб в прошлое разбой, война.

Россия, хоть и мирная страна,
А были случаи такого рода,
Бесславные, конечно, для народа.
Отцами нам в наследие дана
Твоя, Россия, новь и старина.
У нас ты будешь крепнуть год от года.

Я верю в это, в этом убеждён.

И пусть поймут то взрослые и дети:
Щедра была ты и всегда добра.
Уж коль ты россиянином рождён,

Авось поймёшь, что честь и добродетель
У нас дороже злата – серебра.

Желаю всем добра, оно ведь здесь.
Его открыть, увидеть только надо.
Любовь святая – девушкам отрада.
А юношей добро – мужская честь.
Юлить – постыдно, пагубна и лезть.

Вредны для всех и каждого разлады:
Согласию и дружбе люди рады.
Ещё любви такой, какая есть.
Манят порой заоблачные дали.

Другой, нам нужный, заслоня путь,
Один, - достойный нашего народа:
Бороться – только в спорте за медали.
Работать – с огоньком, не как-нибудь.
А главное, чтоб мир был и свобода.

Желаю всем добра, добра на счастье,
Его никто не даст вам задарма.
Лови удачу смело сам, сама,
А нам не всё равно – волнуют страсти.
Юстиция законна – нет напасти.

Всегда она права: украл – тюрьма.
Сегодня надо нам: жила б страна.
Единство, дружбу сбережём в ненастье и
Мужество, отвагу сохраним.

Дурак упадку рад, хоть и раздетый.
Отечество бедно, да, наяву.
Без дела дни идут – судьбу браним...
Работа, где она? Ау! О, где ты?
Ау! Работу я ишу... Ау!

август 2000 г.

«ТЫ НЕ ВЕЙСЯ, ЧЁРНЫЙ ВОРОН»

(Невыдуманный рассказ)

Штаб 27-й армии 3-го Украинского фронта, куда прибыл младший лейтенант Васин за назначением, находился в большом венгерском селении.

Старший лейтенант, дежурный по штабу, проверив документы, сказал: "Завтра утром приходите. А пока отдыхайте". - "А где тут можно устроиться?" - спросил Васин. - "Есть тут гостиница, офицерская..."

Проснулся Васин в десятом часу. Осмотрелся - ничего похожего на гостиничный номер: восемь коек, пять заправлены, на двух ещё спали; стол, на столе графин с водой, стакан. Ни пустых бутылок, ни консервных банок... А может быть, всё это приснилось: тосты за орден, за новое назначение, за встречу однополчан, за скорую победу. Тогда и "Катюша" и "Чардаш", которые играл на скрипке старик - мадьяр, тоже приснились? Да нет, всё это было.

И ещё отчётливо помнит Васин, как вошёл лейтенант и сказал: "Внимание, товарищи офицеры. Получено сообщение, что в селении Дунафельдвар ночью был вырезан наш госпиталь. Вез единого выстрела покололи штыками и порезали больных, раненых, врачей и весь обслуживающий персонал - всех, и тех, кто на частных квартирах. Прошу учесть, и по одному, особенно ночью, не выходить".

Получив направление в действующую часть и выйдя из штаба, Васин подошёл к группе офицеров. Это были вчерашние знакомые: капитан - танкист, старший лейтенант, артиллерист, и пожилой лейтенант. Лицо капитана было в розовых шрамах. Старший лейтенант был взволнован.

-Успокойтесь, - сказал капитан. - И учтите, что мы оказываемся, из этого госпиталя не под пули рвались, а от штыков убежали...

Неподалёку стояли майор и старший сержант. Майор, вероятно, о чём-то смешном рассказывал, потому что на румяном, как спелое яблоко, личике старшего сержанта то и дело вспыхи-

вала ослепительная улыбка.

Из штаба вышел подполковник и направился к легковой машине. Майор быстро подбежал к нему, козырнул, что-то спросил и медленно, понуро отошёл в сторону.

Подполковник посмотрел на офицеров, одёрнул китель поправил фуражку и строго пригласил: „Старший сержант, ко мне“!

Майор подошёл к офицерам, а когда машина тронулась с места, сказал: „Нам по пути было, и не взял. Для майора места не нашлось, а для старшего сержанта...“- „Так вы ведь тоже не нам, а старшему сержанту анекдоты рассказывали, - с насмешкой заметил капитан. И подумав, добавил, - Сидеть у моря и ждать погоды - нет смысла. Придётся своим ходом“.

Васин шёл один. Было уже далеко за полдень. Дорога хорошая, ровная. Только в одном месте он встретил на дороге, справа и слева от неё, воронки. Он хотел было подойти к первой и посмотреть, что там, на дне её, но справа его внимание привлекла черно-пёстрая шевелящаяся куча. Там, прыгая и отталкивая друг друга, остервенело что-то терзали вороны. Васин шагнул в их сторону и взмахнул руками. Птицы нехотя взлетели. От взмаха ли их крыльев воздух пришёл в движение или с той стороны потянул ветерок, но он почувствовал тошнотворный запах и увидел... "Это от него. В каске, а лица уже нет, только..." И зажав нос, быстрыми прыжками ринулся вперёд. Пробежав шагов двести, остановился; во рту пересохло, даже язык казался чужим. „А каска-то на нём..."Но заглушив эту мысль, быстро, не оглядываясь, пошёл уже по ровной дороге. Старался ни о чём не думать, но в голове, он физически это чувствовал, толкая друг друга, шеренгой выстраивались слова: „Ворон, ворон, чёрный ворон... Ты не вейся, чёрный ворон, чёрный ворон, я не твой..." И совершенно неожиданно возле него затормозила машина, полупорка. Старшина, открыв дверцу кабины, сказал: „Залезайте". Васин заскочил в кузов и стал смотреть только вперёд, ни о чём не думая.

В конце третьего попутного села у столба с дорожными знаками старшина спросил: „Вам куда?" - „На Веспрем и дальше". - "Это прямо, а я сворачиваю влево". Простояв часа полтора у столба с дорожными знаками, Васин понял, что машин уже никаких не будет, солнце коснулось горизонта. Наших ни души. И

не раздумывая, он пошел к первому на краю села дому.

Васин зашёл без стука: дверь была открыта. У плиты что-то делала женщина. Пахло вкусным.

„Здравствуйте“, - сказал он. Женщина, даже не взглянув на него, продолжала заниматься своим делом.

Девушка, лет семнадцати, отошла от стола к двери, что была напротив входной, встала спиной к ней и тоже молчала. Потом дверь за спиной девушки чуть приоткрылась, и Васин увидел в растворе выше головы её две пары чёрных с красными искрами глаз. Верхняя пара глаз принадлежала (Это Васин тоже заметил) обладателю чёрной бороды и усов. Дверь тут же приоткрылась, и над головой девушки осталась узкая чёрная полоска щели...

Потом девушка улыбнулась и совершенно неожиданно для Васина сказала: „Добри дэн“. И, указав на стул, стоящий слева от входной двери у небольшого столика, добавила: „Поджалуста, садись“. Васин сел, положив на пол возле стула шинель и почти пустой вещмешок.

- Что угодно господину офицеру? „Говорит по-русски“, - обрадовался Васин и сказал:

- Я хочу пить.

- Я хочу пить, я хочу пить, - повторяя его слова девушка быстро прошла мимо Васина в раскрытую входную дверь и вернулась с графином. Увидев вино, Васин почти закричал: „Нет, нет! Пить, воды“. Поставив графин на стол и повторяя слова: „нет бор“, „пит“, „воды“, „нет бор“, быстро подошла к приоткрытой двери, от неё в угол комнаты, где была женщина, и принесла ему стакан воды.

Потом девушка спросила: „Желает кушать, офицер“? „Нет, - ответил Васин, - я хочу спать“.

Со словами: „хочу спать, хочу спать“ девушка быстро прошла в комнату направо от входной двери и минуты через полторы пригласила: „Прошу, хочу спать“.

Васин вошёл в комнату, девушка указала на диван и вышла, оставив приоткрытой дверь.

Сложив аккуратно обмундирование на стуле, Васин поправил подушку, приподнял одеяло. Нет, не спать, а когда лёг и укрылся одеялом, почувствовал, как диван чуть вздрогнул и медленно стал опускаться вниз...

И лежит он уже не на диване, а у самого края воронки. Она расширяется, становится глубже, чернее и втягивает, всасывает в свою необъятную пасть; оттуда смотрят на него сквозь дверную щель две пары черных глаз, а над ним кружит стайка ворон. Одна из них настолько обнаглела, что порхая перед его лицом, сказала:

„Покойни ньочи". И всё исчезло: не стало ни ям, ни ворон, ни самого Васина.

Утром, сидя в кабине попутной машины, Васин подумал: „А ведь у девушки был переводчик за приоткрытой дверью, потому-то она так часто подбегала туда, повторяя мои слова". И ещё он вспомнил: „А каска-то на нём была наша... И сапоги кирзовые, а старший сержант, наверное, радистка или переводчица... Не всё ли равно, скорее бы до места добраться.

ОТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СОПОК ДО АВСТРИЙСКИХ АЛЬП

КОНИ - КОНИ!

- Мы, солдаты, офицеры, - сказал мой собеседник, - знали, за что воюем, а вот они не знали, хотя их тоже не щадили ни пули, ни снаряды...

- Простите, я что-то не пойму, - перебил я рассказчика, - о ком Вы говорите, о власовцах что ли?

- Да нет, о власовцах потом, а сейчас я хочу рассказать о конях, о фронтовых конях.

Так как мой собеседник был абсолютно трезвый, то у меня невольно мелькнула мысль: „А может, он немножко того?" Посмотрев на меня, он сказал:

- Вы не беспокойтесь: со мной, слава Богу, всё в порядке.

- Да нет, что Вы, я слушаю, рассказывайте. И вот передо мной рассказы бывшего командира сапёрного взвода младшего лейтенанта, а ныне пенсионера - Васина.

1

В Австрии это было во второй половине апреля сорок пятого года. Наш инженерно-сапёрный батальон находился километрах в трёх от передовой. Бои шли за крупный населённый пункт (большая часть его была уже занята нашей дивизией). Ночью покинули занимаемый рубеж обороны и последние его защитники. Утром во время занятия покинутой противником позиции в ограде одного из особняков на mine или сюрпризе подорвался наш солдат. В особняке этом решили разместить штаб или комендатуру. Надо было тщательно проверить: нет ли у дома и внутри него ещё мин. Полковые сапёры, в составе взвода, были на задании, поэтому за помощью обратились к нам, дивизионным сапёрам, и комбат послал меня. Пошёл я налегке, даже шинель и полевую сумку не взял: думал скоро вернуться. Если всякое дело спешки не любит (поспесишь - людей насмешишь), то дело сапёра - особенно. И пословицу кто - то из нашего брата переиначил: „Поспесишь - в небо взлетишь".

Закончив проверку, к счастью, безрезультатно - мин не обнаружил - я отправился в расположение батальона и увидел командира второго взвода нашей роты младшего лейтенанта Быкова.

- А ты как здесь оказался? - спросил я.

- А где ж я должен быть? Весь батальон здесь.

- У меня ж там, на старом месте, остались шинель и полевая сумка. Быков нерешительно, как бы восстанавливая события, сказал:

- Не знаю... Когда объявили о построении, я быстро заскочил в комнату, схватил свои вещи, а на угол, где ты спал, не обратил внимания.

Доложив комбату о выполнении задания, сказал я и о своей пропаже. „Главное: в сумке тетрадь со всякими записями... Часа за полтора - два я мог бы сходить“.

- А вы за полчаса обернётесь, - сказал, подходя к нам, замполит, капитан Муравьёв, и, обратясь к комбату, спросил:

- Как вы считаете, товарищ майор, успеет младший лейтенант за полчаса съездить на моём Буланке?

- Думаю, что - да, - как-то не совсем решительно сказал комбат и с одобрительной хитрецей посмотрел на своего помощника по политической части. „Ну и мудрец, - говорил его взгляд, - умеет „не вмешиваться“ в приказы командира“.

Майор - молодой кадровый офицер - уважал своего замполита не только за практическую смекалку и возраст (Муравьёву было около пятидесяти), но и ещё за что-то, а за что - и сам не знал.

Булавка был осёдлан, я быстро сел на него и пустил на полную рысь. Проехав так километра полтора, я натянул - Буланка перешёл на крупный уверенный шаг. Мне хотелось оглядеться. Слева была ровная, наподобие наших лугов, местность, за ней - сосновый бор. Там, вероятно, на опушке - противник... Только я это подумал, как вдруг - оглушительный взрыв, близко, почти рядом. Буланка отпрянул в сторону, и в это же самое мгновение, одновременно со взрывом, слева, чуть не сбив Буланку, промелькнула легковая машина. Я слез с лошади и увидел на левой ляжке Буланки рваную, величиной с ладонь, рану от осколка снаряда или удара машиной.

Скидывая повод с шеи, чтобы идти пешком, я невольно

вздрыгнул: на меня смотрели осуждающие глаза доброй, послушной лошади: „ За что же ты мне больно-то сделал?" - кажется, упрекал меня Булавка.

Медленно, с поникшей головой, переступая с ноги на ногу, вернулись мы в расположение батальона.

Замполит, осмотрев рану Буланки, сказал мне:

- Отдайте его кому-нибудь из местных. Конь добрый, а рана зарастёт, только присмотр за ней нужен.

Я так и сделал.

Если днём при встрече сапёры говорили о том, что Булавку ранило, то вечером один другого спрашивал: „ Слышал: генерала, командира дивизии, ранило?" Ранен был комдив осколком снаряда в левое плечо, но после нескольких часов, проведённых в полевом госпитале, вернулся на свой командный пункт.

Вот, кажется, и всё. После этих событий прошло полсотни лет, полвека, и сейчас только я понял, что в легковой машине, которая чуть не сбила мою лошадь генерал - то был (а что генерал - я успел заметить) не кто иной, как командир нашей дивизии. Я же был для немецких артиллеристов ориентиром „всадник", мишенью. В меня целились и стреляли, когда машина поравнялась со „всадником", чтобы убить генерала, но получился недолёт - это и спасло нас с Буланкой, ну и генерала, конечно; но главное нас: а генерал пусть сам о себе думает.

2

Утром следующего дня мне был дан приказ: отремонтировать мост, подорванный противником при отступлении. Я поручил сержанту Кузнецову, плотнику по гражданской специальности, чтобы он подобрал человек пять, умеющих орудовать топором, и приготовил необходимый инструмент.

Пришли мы на место работы. Речушка была не широкая, берега не высокие, но обрывистые, крутые. Опоры целые. Задача ясна: уложить прогоны и настил. Материал - метрах в двухстах на пригорке сосняк. Когда мы укладывали последние бревёшки настила, подъехал ездовой на пароконной бричке. Минут через пять прибыли ещё трое. Работа закончена, я объявил перекур и махнул рукой первому ездовому, дескать, - можно ехать.

Когда ездовой благополучно (если не брать во внимание

грохот колёс брички по бревенчатому настилу) переехал мост, я сказал Кузнецову; чтобы он вёл солдат в расположение части, а сам решил понаблюдать, как переедут остальные. Переехал на паре гнедых (обе лошади были гнедой масти) второй солдат - и, как внезапно налетевший вихрь, закрутились события. Из рощи, где мы брали сосны для ремонта моста, застрочили автоматы, потом послышался душераздирающий крик одного из солдат, переправившегося на тот берег. Не переехавшие через мост ездовые развернули своих коней и вскачь, к своим, дальше от пуль, которые свистели над ними. На этих подводах уехали и мои сапёры - на ходу позаскакивали в брички. И вдруг - протяжный огромной силы и страшной боли крик... Так, должно быть, кричал циклоп Полифем, когда ему, опьянённому и уснувшему, Одиссей с четырьмя товарищами выжигал и просверливал заострённым и обожжённым на костре копьём его единственный глаз. К сожалению это был крик не мифического великана Полифема, а смертельно раненой лошади.

Какое-то время я был в оцепенении, ничего не соображал. Второй ездовой, переехавший мост, вернулся на мою сторону и пустил коней вскачь. Выстрелы не прекращались... „Чего же я стою? Бежать надо, бежать!“ - очнулся я. И побежал. Да так, что повозку догнал, хотя лошади неслись во весь опор.

Когда уже ехали шагом, ездовой, пожилой солдат, глубоко вздохнул и произнёс: „Ванюшку жалко. Я его как сына родного полубил. Мой - то сын, тоже Иванам звали, под Сталинградом погиб... Вот и этого не стало“.

Некоторое время мы ехали молча, потом - переборол своё горе солдат - с нескрываемой смешинкой сказал: „А вы хорошо бегаєте“. - „Так я же в институте чемпионом был по бегу“. И мы оба рассмеялись, хотя у него ещё слезы не высохли на щеках. Смешно. Правда?

КАТЮША

Солдатская легенда.

После освобождения небольшого австрийского городка в предгорьях Альп среди солдат нашей дивизии родилась легенда про Серегина, бойца нашего сапёрного батальона. Нет, не сбил он самолёт, не подорвал танк, не добыл „языка“ в чине штабного офицера. Нет. Это обычные фронтовые эпизоды. О них говорили:

„Повезло парню. Если не героя, то орденок получит“. Про Серегина говорили другое:

- А слышали, братья - славяне, солдат из сапёрного батальона на прошлой недели, когда мы брали город (при этом каждый рассказчик называл запомнившийся ему город) встретил свою жену и дочку.

- Не встретил, а нашёл. С сорок первого года, говорят, искал их. Всю войну, говорят, прошёл и не разу ранен не был. Не могу, говорит, допустить, чтобы меня ранили, пока я жену Настеньку и дочку Катюшу из фашистской неволи не высвободил.

- Вы про Серегина?

- Да, который жену и дочку отыскал.

- Так его же ранили.

- Да ты что?

- Слушайте, что я говорю. Вчера я видел, как в санитарную повозку его укладывали. Санитарка Шурочка ещё над ним чиркала.

„Потерпи, Серёжа, потерпи, миленький“. В других ротах и батальонах говорили другое, а в действительности было так.

Во время нашего наступления, в центре города, из дверей дома выскочила лет семи - восьми девочка. Подпрыгивая и размахивая руками, как нам показалось, что-то кричала. Из - за пулемётной и автоматной трескотни нельзя было понять ни одного слова. И только после следующей перебежки, прижимаясь к угловой стене дома и тяжело дыша, мы ясно услышали, что она поёт и поёт по-русски:

Выходила на берег Катюша,

На высокий берег на крутой...

Мы удивлённо смотрели на девочку, она тоже посмотрела

на нас, и вновь зазвенел её голосок:

Пусть он землю бережёт родную, А любовь Катюша сбережёт.

В это время к нам подбежал командир роты лейтенант Набашвили. Поправив пилотку, спокойно, как всегда, приказал: „Товарыш Сэрогын, отвысты дэвочку в укрытые, мы - вперёд". Вот так было на самом деле. Что же касается легенды, то это была легенда о солдатской тоске по Родине, по родным и близким. Серегин же наш не был женат, дважды был ранен, и медсестра Шурочка кому - то другому говорила: „Успокойся, миленький, успокойся, всё будет хорошо".

РАЗВЕ МЫ ВИНОВАТЫ?..

- А как вы, - спросили меня, - восприняли известие об окончании войны?

- Служил я в 151 стрелковой дивизии 26 армии 3-го Украинского фронта. Были мы в Австрийских, Восточных, Альпах. Вечером 8-го мая наш сапёрный батальон и рота пэтээровцев заняли оборону вдоль дороги за небольшим горным селением, которое только что отбили у немцев. На дороге поставили несколько противотанковых мин. Выставили боевое охранение. Окопов не рыли: сплошной камень, да и солдаты устали... Враг отступал, но отчаянно сопротивлялся.

Проснулись рано утром от выстрелов. Справа, слева, сзади нас - кругом стреляют. „Противник пошёл в контратаку, - подумал я. - Даже в тыл прорвался". Потом слышу голос комбата: „Батальон, выходи строиться"! Собрались мы возле него, ждём команды „становись", "равняйся", "смирно", а он, не скрывая волнения, сказал: „Война кончилась". Потом уже не сдерживаясь: Дорогие мои товарищи, кончилась война!" И обнял близстоящего солдата. И все мы стали обниматься, поздравлять друг друга.

Потом майор приказал: „Салют в честь победы!" И мы начали палить в воздух. Вот так мы встретили известие об окончании войны.

А может быть, мы, кто живым вернулся с фронта, и не участники войны?

Почему я так говорю? Объясню, стою я за колбасой (В годы перестройки её давали по талонам). Подходит фронтовик, берёт без очереди. Через некоторое время второй подходит. Женщина лет тридцати, стоящая впереди меня, возмущается: „Ещё участник войны лезет. Кто воевал, тот уже истлел давно или без рук, без ног остался, а эти...“ Мне до слез обидно стало, и я ей сказал:

„Да разве мы виноваты, что немцы нас не убили?“ Я понимаю: она с работы, заглянула в магазин, а там колбасу „выбросили“, дают по килограмму, и в детский садик надо, за ребёнком. Пожилая женщина возмутилась: „Что вы говорите, как вам не стыдно“.

Я, например, конкретным виновником моего „неубития“ считаю немецкого снайпера. Тоже в Австрии было. Выбили немцев из села. Заняли оборону. Солдаты стали окопы рыть. Противник отступил в сосняк в полтора - двух километрах от села. Подошёл я к сержанту, попросил закурить. Он дал мне сигарету. Я поблагодарил его, закурил и прислонился к дереву. Сержант тоже закурил. О чём-то заговорили...

И вдруг у левого уха щёлкнуло. Не успел я подумать, что это - как такой же щелчок у правого уха. Сержант тут же крикнул:

„Младший!“ И я догадался: быстро пригнулся и отскочил от дерева. Какая - то доля секунды спасла. А мог ведь запросто первой пулей убить, ранить. Но для него это пустяк. Он в лоб целился, в красную звёздочку на фуражке. Да и принял-то он меня, наверное, за большого командира: погоны у меня были не полевые, а повседневные, „золотые“. Конечно же, в записной книжке он отметил: такого - то числа во столько - то подстрелил (или убил) русского генерала. И командиру своему, конечно, так же доложил, потому что сам был уверен в этом. А я бы тогда свою младше-лейтенантскую звёздочку и на маршальскую звезду, посмертную, не променял.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я измерил тревожные дали...».....	1
Мастер слова	2
Тропа литературная. (Автобиография)	3
Стихи из «весёлой жизни»	6
Кандальный звон (Венок сонетов)	9
Пушкину (Венок сонетов)	17
Добро возьмём с собой (Венок сонетов)	25
Войной опалённые стихи	45
Мини-басни, шутки	48
Стихотворные «Фокусы»	52
Желаю всем добра (Венок акросонетов)	54
«Ты не вейся, чёрный ворон»	64
От Дальневосточных сопок до Австрийских Альп	
Кони-Кони	68
Катюша	72
Разве мы виноваты?	73

Маслов Г.В. "Я измерил тревожные дали..." - Прокопьевский район, 2000 г. 75 с.

СЕРТИФИКАТ
ОТВЕТА
НА ЗАКАЗ
№ 1000

1000

Составитель и редактор: Анисимова Г.Ф.
Компьютерная вёрстка: Козорез Е.И.
Ответственный за выпуск: Семёнова Н.Н.

Отпечатано в компьютерном центре
аграрного колледжа

2000 г.